

Чжоу Юй тоже не остался в долгу:

— Та женщина сама ветрена, а я и не навязывался в отличие от некоторых, кто сам вешается на девиц из лупанария, обнимается и тискается. Ох, молодой господин Сунь, стоило лишь сделать шаг — и сразу тысяча золотых в утиль!

Оба уставились друг на друга, смолкли и тяжело задышали. Немного остыв, Сунь Цэ внезапно бросил:

— В восточном флигеле заднего двора есть купальня, можешь сходить туда смыть дорожную пыль.

С этими словами он направился в свои покои. Услышав такое, Чжоу Юй загорелся — он и не ожидал, что в резиденции префекта имеется собственная купальня. Довольный, он подошел к двери, легко толкнул ее, и перед его взором предстала окутанная клубами тумана картина, похожая на обитель бессмертных, от которой, казалось, исходил едва уловимый аромат.

Чжоу Юй без лишних слов прямо с себя скинул одежду и швырнул ее Чжоу Ханю, а тот вышел и прикрыл дверь. Как только Чжоу Юй полностью погрузился в воду, собираясь закрыть глаза и как следует расслабиться, за его спиной неожиданно раздался легкий смешок. В испуге обернувшись, Чжоу Юй встретился взглядом с хищными глазами Сунь Цэ.

Окинув взглядом крепкие плечи Сунь Цэ и играющие на вздымающейся груди чистые прозрачные волны, Чжоу Юй испуганно отшатнулся и, поскользнувшись, едва не рухнул в бассейн. Сунь Цэ тут же бросился вперед и подхватил его. Переведя дух, Чжоу Юй злобно выпалил:

— Какого черта ты здесь делаешь?!

Сунь Цэ игриво усмехнулся:

— Кто сказал, что мне сюда нельзя? Это вообще-то моя территория.

Чжоу Юй сверкнул на него глазами и хотел было подняться и уйти, но Сунь Цэ неожиданно ухватил его, провел рукой по голове и резко окунул прямо с головой в воду!

Застигнутый врасплох, Чжоу Юй полностью скрылся под водой, задыхаясь и отчаянно барахтаясь во все стороны так, что брызги полетели фонтаном. Сунь Цэ вытащил его обратно, позволяя глотнуть воздуха, и пристально всмотрелся в обиженное личико пострадавшего Чжоу Юя: то ли от воды, то ли от слез мокрые пряди безвольно падали на плечи, а ресницы слегка прикрывали досадующие веки.

Глядя на эту картину, уголки губ Сунь Цэ самодовольно поползли вверх, а на сердце поднялась легкая буря. Чуть более резким тоном он произвел допрос:

— Мозги прочистились? Больше не тянет шататься по весёлым домам?

Чжоу Юй свирепо зыркнул на Сунь Цэ и внезапно выплюнул полный рот воды прямо ему в лицо. Сунь Цэ, казалось, ни капельки не рассердился; беззаботно ухмыльнувшись, он неторопливо вытер лицо и продолжил с издевкой:

— Ты по-прежнему не признаешь свою вину.

Ледяное выражение застыло на лице Чжоу Юя, и он непокорно спросил:

— В чем моя вина? Или Башня Любования Весной тоже твоя вотчина?

Заметив дерзость Чжоу Юя, чьи призывные глаза феникса сейчас были переполнены обидой и досадой, Сунь Цэ испугался, что тот и впрямь разозлится, ушел с головой под воду и принялся пускать пузыри, прикидываясь дурачком.

Увидев столь нелепое поведение Сунь Цэ, Чжоу Юй почувствовал, как злость полностью улетучилась, и невольно рассмеялся.

В начале второго месяца весеннее тепло стало ощущаться всё сильнее. Срочное донесение Армии Сунь на ста лисках неслось по Лияну:

— Расступитесь, простолюдины, расступитесь! — всадник на боевом коне ворвался в город, и горожане, слышав о военном депеше, в испуге шарахались в стороны, смертельно боясь, что мчащийся со свистом скакун снесет их с дороги.

В мгновение ока гонец уже стоял на коленях в главном зале Резиденции префекта, зачитывая послание. Сунь Цэ восседал на кресле, не отрывая взгляда от стоявшего рядом Чжоу Юя, и его глаза словно говорили: «Как же скучно, не хочу слушать этот бред».

Взгляд, которым Чжоу Юй отплатил за это, был предельно красноречив: «Только попробуй пошевелиться — в могилу сведу».

Тем временем гонец уже подходил к концу:

— ...Посему предписывается в трехмесячный срок захватить Луцзян, после чего господин Сунь непременно будет пожалован в префекты Луцзяна.

Закончив чтение, гонец отвесил поклон:

— Генерал Сунь, ваш покорный слуга удаляется.

Чжоу Юй уже собирался проявить любезность и пригласить посланца на пир, как Сунь Цэ поднялся первым и бросил:

— Тогда не задерживаем, передавай привет Юань Шу.

Посланник в ярости удалился.

Ошеломленный Чжоу Юй повернулся к Сунь Цэ:

— Почему ты его не задержал?

Сунь Цэ небрежно бросил:

— Этот старый хрыч Юань Шу! Захватить Луцзян и без того трудно, он просто хочет чужими руками загрести жар. Даже если я возьму город, он ни за что не отдаст мне Луцзян.

Прикинув услышанное, Чжоу Юй признал логику в его словах и снова спросил:

— И что теперь делать? Если ты не выступишь, а Луцзян захватит Юань Шу, отбить его потом будет куда труднее, чем сейчас?

Во взгляде Сунь Цэ промелькнула тень хищного тигра, пугающе глубокая. Глядя на Чжоу Юя, он произнес:

— Я пойду туда, но ты запомни: когда придет время...

Между Сунь Цэ и Чжоу Юем существовало полное взаимопонимание. Придвинувшись ближе, Сунь Цэ шепнул что-то Чжоу Юю на ухо, и тот понимающе улыбнулся.

В середине марта 194 года Сунь Цэ приказал Чжу Чжи оставаться в Лияне для обороны, а сам повел войско на Луцзян. Спустя всего несколько дней взять город с ходу не удалось, и среди солдат стали закрадываться сомнения. Луцзян славился неприступностью, но Сунь Цэ ожидал этого: каждый день они с Чжоу Юем тщательно изучали военные трактаты и расстановку войск, а Чжоу Юй предлагал различные способы поднять боевой дух и укрепить стойкость армии.

Оба были так заняты, что редко вовремя ели и спали. Сунь Цэ еще держался, а вот Чжоу Юй кашлял всё сильнее. К апрелю, несмотря на то, что наступление на Луцзян развивалось стремительно, Армии Сунь всё же не хватало последнего толчка, чтобы окончательно сломить сопротивление врага.

В этот момент Чэн Пу по совету Чжоу Юя тайком подвел подкрепление к тылам Луцзяна и отправил голубиную почту с донесением, что всё готово.

Сунь Цэ притворился, что отдает приказ об однодневной передышке для приведения в порядок воинских частей перед завтрашним решающим ударом по Луцзяну. Ночью в лагере гремела музыка и пляски; дозорные на стенах Луцзяна доложили префекту, что лагерь Сунь Цэ озарен кострами, а солдаты пируют и танцуют.

Услышав это, префект Луцзяна отдал приказ идти в ночную вылазку. Основные силы ворвались на позицию Сунь Цэ, но обнаружили, что костры были настоящими, а вот люди — фальшивыми: все они оказались соломенными чучелами. В итоге передовой отряд луцзянского войска был

целиком уничтожен засадой Сунь Цэ. В разгар схватки Сунь Цэ, восседая на высоком породистом скакуне, с копьем наперевес в одиночку отбросил десятки врагов. Его доблесть и отвага заставили замереть не только собственных воинов, но и неприятеля: враги в оцепенении машинально пятились назад. Потерпев сокрушительное поражение, авангард Луцзяна полностью утратил боеспособность.

Основные силы луцзянцев в ужасе бежали обратно в город держать оборону, но у ворот с удивлением обнаружили, что Чэн Пу уже ворвался внутрь. Зажатые с двух фронтов, наиболее преданные воины Луцзяна бросились в реку топиться, остальные пали на колени, моля о пощаде. Префект Луцзяна, поняв, что ему суждено погибнуть, покончил с собой, зарезавшись мечом в знак верности Хань. С этого момента Сунь Цэ во главе своего войска занял Луцзян.

После блестящей победы в битве за Луцзян в руки победителей попало бесчисленное множество сокровищ. В тот день Сунь Цэ щедро осыпал наградами подчиненных командиров, не уставая превозносить гениальные планы Чжоу Юя. Однако насладиться триумфом долго не удалось: Юань Шу прислал вестника с известием, что на пост префекта уже назначен некий Лю Сюн, который вступит в должность через два месяца. Сунь Цэ и Чжоу Юй не стали долго рассуждать; Лу Су взял на себя труд зачитать военный приказ и проводил гонца.

Сунь Цэ тут же ушел к себе, оставив Лу Су, Чжоу Юя и остальных военачальников. Чжоу Юй поспешно продолжил раздачу наград, а затем проводил командиров по их походным лагерям. Покончив со всеми делами, он от усталости рухнул на пол.

Мертвой лисице не гоняй вослед, на сцену выходит Тайши Цы.

Лу Су покачал головой, Чжоу Юй вздохнул. Винить Сунь Цэ в вспыльчивом нраве не стоило — оставалось лишь пенять на коварство злоумышленников.

Лу Су поддразнил Чжоу Юя:

— Похоже, Гунцзиню и сегодня ночью не избежать трудов праведных. Жалко его, целый день на ногах.

Чжоу Юй криво улыбнулся в ответ:

— А какая ночь у меня не трудовая?

Лу Су на мгновение замер, а затем перешел к делу:

— Насчет того вопроса... Наш господин...

Чжоу Юй похлопал Лу Су по плечу, поднялся и бросил:

— Цзыцзин, не переживай, река станет шире — мост перейдем.

Поболтав с Лу Су еще немного, тот отправился в свой лагерь, а Чжоу Юй с ночным перекусом направился в покои Сунь Цэ. Заметив, что тот склонился над топографической картой, он с улыбкой окликнул его:

— Бофу, я так и знал, что ты изучаешь карту. Подойди подкрепиться...

Сунь Цэ обернулся, одарил Чжоу Юя ответной улыбкой и серьезно произнес:

— Позже поем. Гунцзинь, иди сюда, взгляни: я планирую сделать засаду в этих точках, и как только этот Лю Сюн подойдет к Луцзяну, мы разобьем его одним ударом.

Это упрямое выражение сосредоточенности на лице Сунь Цэ заставило Чжоу Юя с мягкой улыбкой неторопливо подойти и тихо успокоить его:

— Я и так видел, какой ты у меня грозный полководец. Но до того, как Лю Сюн пойдет войной, тебе тоже нужно хорошенько отдохнуть.

Разумно рассудив, Сунь Цэ послушно отложил карту и честно уселся на край кровати. Нахмурившись, Чжоу Юй смотрел, как Сунь Цэ завалился на спину и, напустив на себя развязный вид, выдал привычные фокусы:

— Эх, устал за весь день, покорми-ка меня с ложечки.

— У тебя что, рук нет? Даже от усталости не до такой же степени нельзя пошевелинуться?

Увидев, что приманка не сработала, Сунь Цэ лукаво ухмыльнулся, резко ухватил Чжоу Юя за руку и притянул к себе в объятия. Чжоу Юй от неожиданности забыл даже попытаться сбежать и рухнул прямо на грудь Сунь Цэ. Ощущая двусмысленность и жар его дыхания, Чжоу Юй вспыхнул до корней волос, оттолкнулся руками и попытался вырваться, но Сунь Цэ лишь тихонько рассмеялся, протянул руку за его спиной, вцепился в конский хвост и с легким усилием притянул его обратно к себе. Припав к самому уху Чжоу Юя, он пророкотал низким, бархатным голосом:

— Разве не подобает слуге ухаживать за господином? К чему эта гордыня?..

Чжоу Юй крепко зажмурился; от легкого волнения его дыхание сбилось. Он не сопротивлялся, но и не двигался с места. Заметив его упорство, Сунь Цэ отпустил его, и Чжоу Юй, пользуясь моментом, словно обретя крылья, стремительно вылетел вон.

Ранним утром в середине апреля Чжоу Юй верхом на коне следовал за Сунь Цэ. Они направлялись из Резиденции префекта в военный лагерь на учения. Сунь Цэ, уверенно отдающий приказы среди сотен воинов, выглядел необычайно лихо. Чжоу Юй молча наблюдал за ним с помоста. Когда Лу Су заговорил с ним, он лишь спустя долгое время пришел в себя. Эта сцена попала на глаза нескольким отпрыскам знатных семей, которые тут же принялись шутковать об отношениях Чжоу Юя и Сунь Цэ.

К полудню Сунь Цэ только собрался разыскать Чжоу Юя, как его перехватил срочный

депешный вестник. Нахмурившись, Сунь Цэ развернул послание и бросил взгляд на помост: Чжоу Юй о чем-то беседовал с Лу Су, оба заливисто смеялись. Нахмурившись еще сильнее, Сунь Цэ уже не мог вникнуть в суть письма.

Содержимое депеши было отнюдь не шуточным: лицо Сунь Цэ постепенно мрачнело. Оказалось, что Лу Сюн привел многотысячную армию и уже показался в окрестностях Луцзяна. Разорвав письмо на клочки, Сунь Цэ отдал приказ о введении всеобщего военного положения в городе и усилении караулов на стенах. Командиры бросились разносить распоряжения.

Обернувшись на помост, Сунь Цэ увидел, что Чжоу Юй и Лу Су как раз спускаются вниз, продолжая переговариваться и смеяться. Сунь Цэ слегка заревновал, и когда Чжоу Юй подошел ближе, бросил с упреком:

— Всё хохочете? Враг уже у ворот.

Переглянувшись, Чжоу Юй и Лу Су вмиг посерьезнели и с тревогой спросили:

— И как же нам теперь поступить?..

Почувствовав, что настал его звездный час покрасоваться, Сунь Цэ прервал Чжоу Юя:

— Не переживайте, пока я здесь — всё под контролем.

Глубокой ночью Сунь Цэ лениво полулежал на постели, наблюдая, как Чжоу Юй взад-вперед нарезает круги по комнате, обдумывая стратегию. Улыбаясь, с видом полководца, держащего победу в ладони, он произнес:

— Цинцин, не нужно тревожиться.

Обернувшись, Чжоу Юй сверкнул глазами, полными тревоги и злости на столь легкомысленное поведение Сунь Цэ:

— Завтра день сражения, а ты до сих пор шутики шутишь!

Расслабленно потянувшись, Сунь Цэ ответил:

— Даже если ты не сможешь придумать хороший план разгрома врага, я ручаюсь тебе: мы вернемся с победой, устроит?

Чжоу Юй присел на край кровати и тяжело вздохнул: все прочитанные им военные трактаты сейчас словно испарились из головы, да и состояние в последнее время было из рук вон плохим.

Приподнявшись на локте, Сунь Цэ заметил, как сильно тот переживает, и в нем снова разыграло желание подразнить Чжоу Юя:

— Раз Гунцзинь так за меня волнуется, это истинное проявление самых искренних чувств.

Чжоу Юй едва заметно закатил глаза, а Сунь Цэ приподнял бровь:

— И снова недоволен?

Пользуясь моментом, Чжоу Юй предложил:

— Возьми меня завтра с собой. Смотришь, пока я буду наблюдать за твоим боем, мне в голову придет какой-нибудь блестящий план победы над врагом.

Сунь Цэ остолбенел: так Чжоу Юй злился не на его шуточки, а хотел вместе с ним отправиться на поле боя?

Лицо Сунь Цэ мгновенно помрачнело, и он отрезал:

— Исключено. В этом сражении мы и так в заведомо невыгодном положении.

Чжоу Юй попытался настоять:

— Ты же сам знаешь, как трудно придется, я хочу помочь тебе...

Голос Чжоу Юя затих, но Сунь Цэ остался непреклонен:

— Нет, и точка. Уходи, Царство ждет меня на покой.

Поняв, что с Сунь Цэ бесполезно торговаться, Чжоу Юй с досадой поднялся и отдал поклон:

— Юй удаляется.

Прожигая взглядом спину уходящего Чжоу Юя, Сунь Цэ помрачнел еще сильнее и напоследок бросил ему в спину колкость:

— С твоими-то силенками лезть со мной в огонь и воду — тебе еще рано, кишка тонка.

Чжоу Юй оцепенел, на секунду замер, до боли закусил губу и продолжил путь к выходу.

На следующее утро грянули громкие горны, затрепетали боевые стяги, небо раскинулось чистым, без единого облачка. Армия Сунь с яростными криками вырвалась из городских ворот навстречу войскам Лю Сюна, и обе стороны сошлись в ожесточенной схватке.

Хань Дань и Чэн Пу неслись в авангарде, сметая все на своем пути. Заметив слабость своих позиций, неприятель бросил в бой дополнительные силы, пытаясь задавить армию Сунь числом.

Чжоу Юй руководил боем из тыла, приказав всему войску заманить противника в ловушку. Лу Су отдал приказ лучникам, затаившимся на городских стенах, выпустить огненные стрелы, что привело к огромным потерям в рядах неприятеля. Затем Чжоу Юй велел Хань Даню зайти с тыла и ударить по тыловым позициям врага. Туда же устремился и Сунь Цэ: его бесстрашие и отвага повергли неприятеля в такой хаос, что они не успевали даже отступать.

К полудню армия Лю Сюна окончательно потеряла волю к сопротивлению. Главнокомандующий приказал всем военачальникам прорываться с боем и бежать на северо-запад вместе с остатками разбитого войска. Сунь Цэ приказал Чэн Пу оставаться на страже Луцзяна, а сам со всеми силами ринулся в погоню. Тем же вечером Чжоу Юй и Лу Су следом выступили в поход с войсками и провиантом, а на следующее утро настигли основные силы лагеря Сунь Цэ.

Мятежные войска Лю Сюна несли колоссальные потери в череде непрекращающихся сражений и постоянно бежали. Сунь Цэ неотступно следовал по пятам, но едва они почти настигли беглецов, как издали показался отряд воинов, преградивший путь армии Сунь и позволив Лю Сюну уйти еще дальше.

Вне себя от ярости, Сунь Цэ во весь голос рявкнул на предводителя:

— Что за наглец смеет преграждать путь Цзяндунскому клану Сунь!

Командир противника спешил, отвесил Сунь Цэ короткий вежливый поклон и произнес:

— Я — Тайши Цы. Давно наслышан о славе Цзяндунского Маленького Владыки.

Сунь Цэ внимательно оглядел незнакомца: плотно сбитый, красивый лицом, в сияющих доспехах, он излучал неподдельную величавость.

Сунь Цэ был наслышан о Тайши Цы — доблестном и искусном генерале. Затевать с ним драку сейчас означало понести лишние потери. Нахмурившись, Сунь Цэ спросил:

— С какой стати генерал преграждает нам дорогу?

Тайши Цы снова поклонился:

— Мы тоже исполняем приказ. Прошу великого генерала Суня оказать услугу и не чинить мне препятствий, в будущем Цы непременно оплатит за это.

Пока Сунь Цэ раздумывал, как поступить — а армия Лю Сюна меж тем уходила всё дальше, да и Тайши Цы не выглядел человеком, с которым можно договориться, — Чжоу Юй тихонько подъехал сзади. Сунь Цэ оглянулся на него, безмолвно вопрошая взглядом: «Что делать?»

Чжоу Юй подъехал ближе, окинув Тайши Цы оценивающим взглядом. Он слышал, что в Янчжоу есть некий Тайши Цы по прозвищу Цзыи, прекрасно владеющий конем и луком, чья

стрельба отличалась исключительной меткостью. Когда-то ради спасения Кун Жуна он в одиночку прорвал осаду за помощью к Лю Бею, а теперь, судя по всему, служил под началом Лю Яо.

В душе Чжоу Юй восхитился доблестью этого воина: заполучи они такого человека, о будущем расширении владений можно было не беспокоиться. Чжоу Юй кивнул Сунь Цэ, и тот обратился к Тайши Цы:

— Генерал Тайши Цы издавна славится своим благородством, и Сунь Цэ искренне восхищается им. Раз генерал попросил, я пойду ему навстречу. Надеюсь, впредь, столкнувшись на поле боя или вне его, генерал проявит снисхождение.

Тайши Цы одним прыжком вскочил в седло и бросил Сунь Цэ:

— Это великому генералу Суню придется проявить ко мне снисхождение!

С этими словами оба расхохотались, обменялись поклонами и разъехались. После этого Сунь Цэ увел всех командиров обратно в Луцзян, а Юань Шу ничего не оставалось, как добровольно уступить Луцзян Сунь Цэ.

По дороге конь Чжоу Юя неизменно следовал позади коня Сунь Цэ, и тот то и дело оглядывался на него, обмениваясь понимающими взглядами.

Сзади Хуан Гай прищепил коня, поравнялся с Хань Данем и проворчал:

— Чжоу Юй — сущая марионетка нашего господина, вечно указывает нам, что делать.

Хань Дань бросил на него косой взгляд и холодно ответил:

— Какое нам дело до пристрастий господина?

Хуан Гай не унимался:

— Да этот Чжоу Юй лишь за счет женских штучек да лисьих чар вскружил голову господину так, что тот во всем его слушает!

Не успел он договорить, как Лу Су вихрем промчался мимо них на взмыленном коне. Хань Дань тихо бросил Хуан Гаю:

— Если ты считаешь Чжоу Юя похожим на женщину, то злословие за спиной делает тебя еще больше похожим на бабу. Мы все служим одному господину, у каждого свои обязанности. Уж коли он тебе так не нравится, просто не обращай внимания.

Хуан Гай допытывался:

— Ну а ты, Игун, неужели тебе по душе этот пройдоха?

Хань Дань расхохотался:

— С чего бы это мне, мужику, любить другого мужика? Дуду — это глаза и уши господина, а я — его правая и левая рука. Мы не мешаем друг другу, все мы — слуги нашего господина.

Следом за ним на бешеной скачке промчался Люй Мэн, и Хуан Гай предпочел умолкнуть.

Вернувшись в Луцзян, Сунь Цэ был невероятно счастлив, осознавая, что весь этот город принадлежит ему, и приказал устроить трехдневный пир в Резиденции префекта.

Приближался вечер, незадолго до начала банкета Чжоу Юй приводил в порядок дела в своих покоях. Чжоу Хай помогал ему переодеваться и аккуратно складывал парадный военный халат, когда снаружи раздались громкие крики Лу Су и Люй Мэна, требующих немедленного входа.

Чжоу Юй велел Чжоу Хаю отворить дверь. Сам он уже был полностью одет; вошедшие Лу Су и Люй Мэн поспешно затворили за собой створки, и Лу Су с тревожным выражением лица зашептал:

— Тебе ли сейчас думать о пирах? На обратном пути я слышал недовольство в армии в твой адрес. Смотри, как бы ты не стал всеобщим мишенью для ненависти.

Нахмурившись, Чжоу Юй озадаченно спросил:

— С чего это Цзыцзину говорить такое?

Я сказал тебе катиться вон!

Лу Су поморщился:

— Я так и знал, что Гунцзинь не поверит. Цзымин, расскажи сам.

Люй Мэн пересказал всё, что они с Лу Су услышали по дороге. Выслушав его, Чжоу Юй опустил на стул и со злости с силой впился пальцами в подлокотники.

Лу Су попытался успокоить его:

— Не горячись раньше времени, лучше срочно подумай, как укрепить боевой дух армии.

Люй Мэн тоже добавил:

— Каждое слово и движение дуду напрямую влияют на преданность солдат.

Нахмурившись в раздумьях, Чжоу Юй услышал, как Лу Су произнес:

— Я предвидел подобный исход. К счастью, ропщут лишь старые военачальники, новые командиры в большинстве своем преданы тебе. Если сам не можешь придумать выход, у меня есть план.

Обсудив всё с Лу Су, троица вышла из комнат и направилась во внутренний зал Резиденции префекта, где заняла свои места.

Бросив быстрый взгляд вокруг, Чжоу Юй убедился: как и ожидалось, старые и новые командиры разбились по кучкам. Новые военачальники расселись поблизости от мест Чжоу Юя, тогда как ветераны и знать заняли противоположную сторону. Обменявшись взглядами с Чжоу Юем, Лу Су и Люй Мэн уселись среди ветеранов.

Не подозревая об их тайном противостоянии, Сунь Цэ пребывал в отличном настроении, предвкушая пару хороших глотков вина: после долгих месяцев сражений он смертельно устал и нуждался в полноценном отдыхе. С началом банкета все дружно бросились воздавать хвалу вину и поднимать чаши за Сунь Цэ, а тот отвечал на приветствия.

После трех чарок Хуан Гай неожиданно поднялся со своего места, поднял бокал в сторону Чжоу Юя и произнес:

— Ваш покорный слуга пьет за здоровье великого дуду! Вы столько трудились на благо господина, поистине тяжелы ваши заботы.

Чжоу Юй опешил, подумав про себя: «А вот и началось, я ведь даже палочки еды не притронулся, похоже, опять придется ночью перекусывать».

Он тоже поднял чашу:

— С чего это старому генералу говорить столь льстивые речи? Если бы не вы, генералы, и наши братья, рисковавшие головами на передовой, разве было бы у нас спокойствие в тылу?

Уплетая огромную куриную ножку, Сунь Цэ наблюдал за этой парочкой, мысленно прикидывая, к чему всё идет, и пока решил понаблюдать за представлением со стороны.

Хуан Гай, когда-то Чэн Пу был в арьергарде, но заскучал по дому и испросил у господина разрешения поменяться с ним местами, и Чэн Пу отправился обратно в Лиян держать оборону.

Сделав вид, что опьянел, Хуан Гай протянул:

— Слышал я, что лик дуду прекрасен и нежен, а ныне гляжу — и впрямь краше любой знаменитой куртизанки из лиянской Башни Любования Весной.